

Ли Цинхэ ввёл Янь Тиншуана в усадьбу, некогда принадлежавшую его старшему брату, Ли Фуюю.

Эту обитель, примостившуюся на главном пике Куньлунь, нарекли Изыщным павильоном Синего Лотоса. Давным-давно, когда брат был ещё жив, а сам Цинхэ не успел сменить наставника и уйти на гору Неоставления, он обожал подолгу гостить здесь, упрямо отказываясь возвращаться к себе.

С тех пор минуло пять лет, но Изыщный павильон Синего Лотоса оставался прежним — время словно пощадило его, не изменив ни единой мелочи.

Ли Цинхэ остался стоять у порога, провожая взглядом скрывшегося за дверью Янь Тиншуана. Спустя пару мгновений тот вышел обратно — бледный, потерянный, с пустым блуждающим взглядом. Ступая неверными, ватными шагами, Тиншуан даже позабыл кивнуть ему на прощание. Он поспешил прочь, точно вор, спешащий скрыться с места преступления.

В ноздри Цинхэ ударил едва уловимый запах свежей крови. Подавив шевельнувшееся в груди отвращение, он лишь тонко, понимающе улыбнулся.

Убранство Изыщного павильона Синего Лотоса отличалось утончённой простотой, однако вся мебель — от столов до простых скамей — была сработана из драгоценного духовного дерева. В воздухе витал тонкий, едва уловимый аромат бамбука.

В глубине тускло освещённых покоев на широком ложе неподвижно лежал Янь Фуи. Его истощённое тело казалось совсем крошечным в окружении вызывающе роскошных, расшитых золотом шелков.

Ли Цинхэ подошёл ближе и остановился у постели.

Лицо Янь Фуи не дрогнуло, словно он вовсе не заметил незваного гостя. Его глаза — те самые, которыми Цинхэ когда-то так искренне любовался, — были полуприкрыты. Неправдоподобно длинные ресницы бросали на бледные щёки густые тени.

Но в них больше не осталось и следа бывшего живого блеска, что когда-то таился за внешней сдержанностью. Теперь этот взгляд был пустым, омертвелым. Янь Фуи походил на сломанную куклу, которую небрежно бросили в пыльный угол.

Ли Цинхэ присел рядом на корточки, занеся руку над его лицом. Кончики его пальцев зависли в воздухе, едва заметно очерчивая благородный разлет бровей и тонкую переносицу Янь Фуи.

Он искренне не понимал, как на свете вообще мог существовать такой человек, как Янь Фуи.

Мать Янь Фуи и Янь Тиншуана, шимэй Янь Жань, когда-то приходилась его отцу младшей

соученицей. В своё время её похитили приспешники расы демонов. Отец сбил с ног, разыскивая её, но спасти шимэй так и не удалось.

Лишь много лет спустя, когда восьмилетний Янь Фуи, ведя за руку маленького Тиншуана, пешком добрался до даосского ордена Куньлунь, Дхармический достопочтенный Божественного Звука узнал горькую правду: его дорогая соученица скончалась ещё три года назад.

Покойную было не вернуть, а мальчики оказались круглыми сиротами с редчайшим, поистине божественным даром. Тогда Ли Аньши, уже занявший пост главы ордена, решил приютить сирот. Он уговорил своего младшего соученика, Шан Цинъюэ, взять обоих на воспитание.

Ли Цинхэ прекрасно помнил, как в самом начале они с братом искренне привязались к приёмывам.

Особенно к Янь Фуи — не по годам серьёзному, рассудительному и удивительно красивому мальчику, похожему на хрупкую фарфоровую куклу.

Старший брат души в нём не чаял, да и сам Цинхэ буквально боготворил этого невероятно одарённого старшего брата.

Но кто мог предугадать, что этот ангел окажется чудовищем? Мало того, что из-за него погибла собственная мать, так он ещё и отплатил чёрной неблагодарностью ордену Куньлунь, который его приютил. В конце концов Янь Фуи сжил со света Ли Фуюя — старшего брата Цинхэ, любившего его больше жизни.

И ведь на этом он не остановился. С каждым годом слухи о его бесчинствах становились всё чернее.

В ордене шептались, что пока убитый горем глава ордена оплакивал безвременно ушедшего сына в уединённой медитации, Янь Фуи за пять лет прибрал к рукам всю власть и ресурсы. Шаг за шагом он подминал под себя орден Куньлунь, желая установить там единоличное правление.

Внутри ордена зрело глухое недовольство. Многие ученики возмущались несправедливостью: взять хотя бы Сяо Фэна. Обладая выдающимся талантом, в любом другом месте он сразу стал бы личным учеником какого-нибудь великого мастера. Но в Куньлунь его заставили годами гнуть спину среди простых чернорабочих во внешнем круге. А когда юноша вопреки всему сумел проявить себя, Янь Фуи принялся всячески его притеснять и травить.

Что уж говорить о недавнем заговоре против молодого господина расы демонов, Цзоу Хо, который только чудом удалось раскрыть!

Но омерзительнее всего было то, что натворив столько бед, этот человек продолжал строить из себя невинную жертву и даже не думал раскаиваться.

— Янь Фуи, — процедил сквозь зубы Ли Цинхэ, его голос так и сочился ненавистью. — Я ведь предупреждал, что расплата настигнет тебя.

Янь Фуи безмолвно смотрел на него.

Его слабеющий взор различал лишь смутные, расплывчатые очертания алого силуэта. Буквально мгновение назад Ли Цинхэ являлся ему во сне — всё тем же напуганным ребёнком, которого Фуи когда-то заслонял собственной спиной. Тем самым малышом, что утирал кулачками слёзы и лепетал: «Гэгэ Фуи, спаси...»

Вглядываясь в дрожащий алый контур, Янь Фуи слабо, едва заметно улыбнулся.

— Да, — прошептал он.

В его духовном море воцарилась глухая тишина. Система, которая ещё недавно готова была взорваться от праведного гнева, когда Янь Тиншуан хладнокровно резал запястье старшего брата ради чаши крови, теперь безмолвствовала. Она затихла, но от этого молчания веяло такой тяжёлой, осязаемой яростью, что её трудно было описать словами.

Ли Цинхэ во все глаза разглядывал Янь Фуи. Тот лежал перед ним — беспомощный, мертвенно-бледный, точно беззащитная жертва, с которой можно сотворить всё, что заблагорассудится.

— И ты до сих пор не признаёшь своей вины?

Веки Янь Фуи дрогнули, он едва заметно приоткрыл глаза.

Нависая над ложем, Ли Цинхэ криво усмехнулся. В колеблющемся полумраке его изящное, яркое лицо казалось маской, от которой веяло замогильным холодом:

— Твой драгоценный младший брат слишком благороден и мягок сердцем, чтобы высказать это тебе в лицо. Что ж, тогда я скажу за него.

— Янь Фуи, ты заслуживаешь той же участи, что постигла твоего отца-демона. Ты должен остаться один, преданный всеми, без права на покой и могилу. Тебя нужно запереть под тяжелейшими печатями, сковать цепями и похоронить заживо там, куда никогда не проникнет ни один луч солнца.

«Ты должен день и ночь мучиться мыслями о моём брате, изнывая без сна и покоя. Ты не смеешь больше ни к кому тянуться душой. Твой взор обязан вечно искать лишь его тень, и

никто в целом свете не должен занять его место».

Янь Фуи неотрывно смотрел на него. В его затуманенных глазах, когда-то сиявших подобно далёким звёздам, теперь смутно отражалось перекошенное злобой лицо Цинхэ.

Он вновь едва слышно обронил:

— Пусть так.

«Фуи...» — нерешительно заговорила Система. — «Не надо. Возможно... возможно, Янь Тиншуан вовсе не это имел в виду»

И пусть сейчас перед ним стоял Ли Цинхэ, Янь Фуи понимал — а Система знала наверняка, — что все его мысли без остатка заняты лишь недавним визитом брата.

Тот разговор Янь Тиншуана с Ли Цинхэ у ворот усадьбы... И холодное лезвие, вспоровшее кожу на его запястье, чтобы наполнить сосуд кровью.

Тот ласковый, вкрадчивый голос, которым Тиншуан умолял отдать ему его личный духовный меч.

Откуда Тиншуану было знать, что Ли Цинхэ, пока они беседовали, тайно активировал передающую звуки формацию? Каждое слово, каждый вздох брата отчётливо звучали в ушах Янь Фуи.

Фуи слышал всё. Он до капли уловил признания брата, его сбивчивое дыхание и даже тот едва слышный скрежет зубов, когда Тиншуан пытался совладать со своей дрожью.

А ведь когда-то Янь Фуи больше всего на свете пёлся о безопасности этого мальчика. Настолько, что когда его собственный духовный меч впервые признал хозяина, окроплённый кровью, первой непреложной заповедью для клинка стала клятва признавать и оберегать Тиншуана точно так же, как и самого владельца.

Ли Цинхэ бил без промаха. Он жаждал сокрушить последнюю душевную преграду Янь Фуи, заставив его воочию убедиться, кем он на самом деле являлся для младшего брата, ради которого без раздумий жертвовал собой на протяжении двадцати долгих лет.

Янь Фуи приходилось признать: удар получился филигранным.словно выточенные из льда ножницы медленно, дюйм за дюймом, кромсали его плоть и меридианы, чтобы в финале бесшумно и плавно войти под самые рёбра.

Ледяная стужа, разлившаяся по израненной душе, мгновенно потушила последние тлеющие

угли тепла, заковывая даже костный мозг в колючую, непробиваемую наледь.

Не зря Ли Цинхэ считался лучшим из лучших на горе Неоставления, не зря он был родным братом Ли Фуюя. Каждое его действие отличалось безупречной выверенностью, беспощадностью и точностью палача.

Смерть Янь Фуи никогда не входила в его планы — это было бы слишком милосердно. Ли Цинхэ вожделем иного: разорвать на куски, перемолоть в пыль и заставить захлебнуться собственной кровью то жалкое, истерзанное сердце, что ещё продолжало биться в груди его врага.

В горле Янь Фуи заклокотал безумный смех, но тело подвело его, содрогаясь в мелкой судороге. Пытаясь съёжиться от непереносимой душевной боли, он лишь натянул цепи, сковавшие его тонкие запястья. Металл отозвался глухим, зловещим звоном.

«Зачем я вообще остаюсь здесь? Почему упрямо защищал их, терпел, сносил покорно любые обиды и позволял калечить себя снова и снова?»

Он больше не желал «держаться». Не желал раз за разом вскрывать вены, омывая собственной кровью бесконечный, написанный чужой рукой приговор. Ему осточертело жертвовать душой и телом ради благополучия Куньлунь, вновь и вновь латая трещащий по швам защитный купол, умирая от ран лишь для того, чтобы продлить их спокойствие.

Подвеска на его груди вдруг вспыхнула обжигающим жаром, но Янь Фуи пребывал в таком беспамятстве, что даже не обратил на это внимания.

Десять лет бок о бок со старшим братом Фуюем — половина его земного срока. И долгие пять лет глухого одиночества после его гибели. Все эти годы, невзирая на клевету, поношения и проклятия, летевшие со всех сторон, хрупкое воспоминание о пережитом счастье оставалось его единственным панцирем. Оно заставляло его терпеть муки, заставляло судорожно цепляться за жизнь ради крошечного, безумно далёкого шанса всё исправить.

И впервые за всё это время Янь Фуи ощутил, как глубоко в груди у него рождается горькая, детская обида.

Ему не хотелось больше видеть ни одного из них. Хотелось лишь спрятаться, укрыться в том далёком, благословенном ущелье, где вечно царила весна.

Туда, где...

— Старший шисюн, — позвал Ли Цинхэ. Отрешённый, безжизненный вид Янь Фуи внезапно взбесил его. В груди Цинхэ вспыхнуло ядовитое пламя ярости, и, вспомнив нечто важное, он заговорил с ничем не прикрытым, удушливым злорадством.

— Ты больше никогда не вернёшься в свою тайную обитель.

Тёмные зрачки Янь Фуи дрогнули. Он медленно повернул голову, словно сквозь вату расслышав эти слова.

Он слишком хорошо знал это выражение лица Ли Цинхэ. Юноша пожирал его взглядом, изнывая от нетерпения увидеть, как маска безразличия осыплется, обнажая крик смертельной агонии.

Точно так же во время их совместных странствий Цинхэ всегда лез из кожи вон, стремясь одолеть врага самым зрелищным приёмом и непременно заставив того молить о пощаде.

Гордый юноша в алых одеждах не ведал страха и сомнений. Он яростно ненавидел любое зло и не умел прощать.

— Чтобы пленить тебя, три великих достопочтенных лично отправились туда, — вкрадчиво нашептывал Ли Цинхэ. — В том ущелье бушуют свирепые вихри, а взбесившаяся духовная энергия смешалась с безжалостной волей клинка достопочтенного Меча Вопросающего Небо. Стоило защитным барьерам пасть, как весь твой приют — и дом, и вековые деревья, и цветы — в единый миг разнесло в щепки.

— И уж тем более никто не стал разбираться, кто именно из преследователей случайно обронил искру прямо посреди этого бушующего урагана.

Тонкие пальцы Янь Фуи свело судорогой. Железные звенья натянулись со звоном, рванув израненные запястья — из лопнувших швов вновь засочилась багровая кровь.

Ли Цинхэ слегка прикусил кончик языка, и сладковатый вкус крови на губах придал ему сил.

Пять долгих лет после гибели брата он терзался вопросом: что же ещё способно задеть Янь Фуи за живое? Что он упрямо хранит в своём израненном сердце?

Как оказалось, дороги ему были лишь две вещи: младший брат Янь Тиншуан и то Богом забытое ущелье.

Фуи уходил туда при каждой возможности, пропадая неделями. Он окружил свою тайную усадьбу непреодолимыми барьерами высшего порядка, сквозь которые Цинхэ никак не мог пробиться.

Он знал лишь одно: возвращаясь оттуда, Янь Фуи выглядел умиротворённым и почти счастливым. На его лице отражался покой — эмоция, которую Ли Цинхэ ненавидел всей душой.

В глубине сознания Система разразилась отборной бранью, которую тут же безжалостно заглушил цензурный фильтр. Но даже если бы слова прозвучали, Янь Фуи не услышал бы их.

Из его тела словно разом вынули душу. Огонёк в глазах погас, расколовшись на мелкие осколки. Внезапно остатки его духовных сил вырвались наружу неконтролируемым вихрем. Мощная волна отбросила Ли Цинхэ назад, оставив на его щеке кровоточащий порез.

Ли Цинхэ потрясённо вытаращился на него:

— Да как ты смеешь!..

Взгляд Янь Фуи скользнул мимо его лица, устремлённый куда-то в пустоту.

— Ты намеренно привёл их туда, — безжизненным голосом произнёс он. — Только ради того, чтобы лишить меня дома.

— Да, это так! — отрезал Ли Цинхэ. — С чего ты взял, будто такое чудовище, как ты, заслуживает право на тихую гавань?

Лицо Янь Фуи сделалось белее мела.

Перед его глазами завертелся безумный хоровод ослепительных искр. Всё смешалось: бушующая энергия, яростные порывы ветра, комья грязи и тёмные пятна крови. Окружающий мир окрасился в багровые тона — так бывает, если зажмуриться в жаркий полдень и прикрыть лицо руками, вслушиваясь в глухие удары собственного сердца.

— Та-да-дам! Сюрприз!

— Красиво, правда? Твой гэгэ просто гений!

Янь Фуи никогда не забыть тот тихий, солнечный день своего детства. Преодолев немыслимые преграды и едва не погибнув в когтях ураганных ветров, они наконец вышли к залитой цветами долине.

— Давай устроим здесь наше тайное убежище. Если старик опять разозлится, а меня не будет рядом, беги сюда. Здесь он тебя ни за что не отыщет.

— Я сам начерчу план усадьбы! Смотри, тут даже водопад есть! Построим чудесный домик среди деревьев...

— Какие цветы тебе по душе, Фуи? Что мы посадим у крыльца?

— Обычное разнотравье не годится для моего любимого красавца. Как насчёт пионов? Они пышные, благоухающие — совсем как ты.

— Ха-ха-ха! Ладно-ладно, не дуйся, раз тебе не нравится «маленький красавец», буду звать тебя моей маленькой луной.

— Ты вечно берёшь на себя слишком много, глупый упрямец... Боюсь, несладко тебе придётся. Но если когда-нибудь твоя луна устанет светить в вышине, не забывай про это место. Здесь тебя всегда ждёт мягкое море цветов.

Янь Фуи уже давно осознал горькую истину: само его появление на свет было трагической ошибкой.

Сыновний долг растоптан, родные канули в небытие, а жизнь обернулась чередой бесконечных унижений, предательств и всеобщей ненависти.

Но он до последнего верил, что всё это можно пережить.

Если твоя искренность никому не нужна — что ж, её можно запереть глубоко внутри. Если суждено остаться одному, без единой живой души рядом, у него всё равно оставался приют. Последняя обитель веры и надежды во всех трёх тысячах миров, его единственный луч света в непроглядной тьме.

Вдруг Янь Фуи тихо, хрипло рассмеялся. Этот смех зарождался где-то в глубине его груди, но почти сразу перерос в надсадный кашель, от которого на его глазах выступили слёзы.

Непонятная тревога стиснула сердце Ли Цинхэ. Схватив пленника за грудки, он в ярости закричал:

— Чего ты ржёшь?!

В ответ Янь Фуи захлебнулся новой судорогой. Горячая, тёмная кровь брызнула изо рта, мгновенно заливая Цинхэ ладони.

— Ли Цинхэ... — с трудом лова ртом воздух, прохрипел Янь Фуи. Он впервые назвал его полным именем, лишив привычного уважительного обращения. — Каждый куст пионов... под Утёсом Очищения Одежд... Шихэн Фуюй посадил... своими руками.

Зрачки Ли Цинхэ сузились. Его тело словно оцепенело, скованное внезапным ужасом.

— Пять лет... — продолжал хрипеть Янь Фуи. — Пять лет я питал своей душой Семивездную формацию Преисподней в усадьбе... Омывал её своей кровью, чтобы по крупичкам собрать...

угасающий дух твоего брата. Последний осколок его израненной души.

Он посмотрел прямо в застывшие глаза Ли Цинхэ:

— И ты... уничтожил его. Своими собственными руками.

Пятна багровой крови на пальцах Ли Цинхэ вдруг показались ему адским пламенем. Этот огонь без труда прожёл его доспехи слепой ненависти, добравшись до самого сердца и оставив там незаживающий, смертельный ожог.

<http://bllate.org/book/20278/2118484>